

Р.Г. Гагкуев,
доктор исторических наук, Москва

Белый Крым: попытка военной реформы в 1920 г.

Доклад был прочитан 23.04.21 на круглом столе «100 лет Русскому Исходу» в г. Керчи.

Публикуется в рамках социально значимого проекта «Уроки Гражданской войны – Русский Исход 1920-2020», реализуемого НБФ «Наследие» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

К началу 1920 г. Белое движение потерпело крупные поражения на всех фронтах Гражданской войны. И хотя «белая борьба» на Юге России продолжалась до осени 1920 г., постановка общероссийских задач имела уже больше политическое значение. На белом Юге последний этап Белого движения связан с действиями Вооруженных сил Юга России (переименованных в Русскую армию) под командованием генерала П. Н. Врангеля. Начавшееся осенью 1919 г. отступление Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) закончилось изоляцией на Крымском полуострове, последней попыткой белых сил перехватить инициативу в свои руки, поражением и эвакуацией из Крыма.

4 апреля 1920 г., после катастрофической по последствиям для Вооруженных сил Юга России Новороссийской эвакуации, генерал А. И. Деникин принял решение оставить пост главнокомандующего ВСЮР. Для избрания преемника был собран Военный совет, на котором высшие начальники высказались за кандидатуру генерала Врангеля. После этого Деникин отдал свой последний приказ по ВСЮР № 2899, назначив Врангеля новым главкомом.

Новый главком оказался в крайне непростой ситуации. Моральное состояние прибывших в Крым войск оставляло желать лучшего, и продолжение дальнейшей борьбы многим представлялось маловероятным. «Тяжелое отступление, закончившееся новороссийской катастрофой, отразилось на состоянии духа армии, усталой, измученной, — вспоминали

добровольцы. — Появилось недоверие к высшему командованию, была потеряна вера в своих вождей и в успех дела; все это создавало тяжелую атмосферу, и надежд на удержание Крыма было мало». Генерал-майор Ю. К. Гравицкий, вернувшийся в 1922 г. в Советскую Россию, в своих мемуарах, несмотря на их идеологическую выверенность, в соответствии с официальной советской историографией, тем не менее достаточно точно охарактеризовал состояние добровольцев после эвакуации в Крым в марте 1920 г.: «В Новороссийске была оставлена идея, которая воодушевляла нас в борьбе с большевиками, а от Орла до Новороссийска мы схоронили наиболее стойких и крепких защитников этой идеи, и в Крыму высадились с опустошенной душой, чувством беспочвенности и в состоянии морального разложения. Старые пути оказались негодными, а новых, казалось, не намечалось даже в ближайшем будущем...». Новому главкому предстояло наметить эти пути, перестроить армию и тыл и постараться переломить ход событий в свою сторону.

Врангель достаточно трезво оценивал положение ВСЮР в Крыму. Приняв решение о продолжении борьбы и превратив Крым по определению советской историографии в «контрреволюционный оазис», он еще в апреле позаботился о подготовке возможной эвакуации армии и беженцев с полуострова. «Крошечный Крым, при полном отсутствии естественных богатств, должен был принять, кормить и оплачивать в течение многих месяцев и армию, и бесконечно разросшиеся тылы Вооруженных сил Юга России, — вспоминал главком. — [...]. На довольствии в армии состояло более 150 000 ртов, но из этого числа лишь около одной шестой могли почитаться боевым элементом, остальную часть составляли раненые, больные, инвалиды разных категорий, воспитанники кадетских корпусов и военных училищ, громадное число чинов резерва, в большинстве случаев престарелых, чинов многочисленных тыловых учреждений. Огромные запасы обмундирования и снаряжения были брошены на Юге России, и раздетую, и в значительной части безоружную, армию, нечем было

снабжать». Врангель давал нелестную характеристику морального и боевого состояния частей ВСЮР, прибывших в Крым «в полном расстройстве». «Конница без лошадей, все части без обозов, артиллерии и пулеметов. Люди были оборваны и озлоблены, в значительной степени вышли из повиновения начальников. При этих условиях и Добровольческий корпус боевой силы. не представлял. Пьянство, самоуправство, грабежи и даже убийства стали обычным явлением в местах стоянок большинства частей».

«Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игмом народа», — так определил Врангель основную задачу Правительства Юга России в борьбе с советской властью в 1920 г. По сути, новый главком отказывался от занятия Москвы в ближайшей перспективе и говорил о намерении воплотить в жизнь на отдельно взятой территории политическую программу, альтернативную реализуемой в Советской России. Для выполнения этой задачи большое внимание в белом Крыму уделялось реализации земельной реформы, рассчитанной на формирование социальной базы Белого движения из числа зажиточного и среднего крестьянства, которое поддержало белую власть и было бы способно снабжать армию и тыл.

Но реформы, намеченные Врангелем во внутренней политике, должны были принести плоды в перспективе. Реалии же весны 1920 г. ставили перед необходимостью продолжение вооруженной борьбы «здесь и сейчас». Помимо того, что отделявшие Крым от Советской России перешейки не были непреодолимым препятствием, остро вставал вопрос об обеспечении Крыма ресурсами и продовольствием, которые можно было найти только в прилегающих областях. В результате задача приведения армии в порядок для дальнейшего существования белого Крыма становилась более чем очевидной. Как уже отмечалось, после катастрофической Новороссийской эвакуации прибывшие в Крым части ВСЮР были практически не

боеспособны. Без реорганизации они не годились не только для ведения каких-либо операций за пределами полуострова, но и для его обороны. Тяжесть последней легла на 3-й армейский корпус генерала Я. А. Слащева.

Назначенный новым главкомом ВСЮР генерал Врангель первоначально оставил свой штаб без перемен. Планируя в будущем назначить на эту должность генерала П. Н. Шатилова и «не желая с первых шагов вступления» в командование «производить коренную ломку в штабе», Врангель до июня 1920 г. откладывал это назначение. Очевидно, что реорганизация вооруженных сил требовала энергичной и быстрой работы, для этого же необходимы были люди, прекрасно знавшие ситуацию изнутри. Назначенный сравнительно недавно начальником штаба главкома ВСЮР генерал П. С. Махров (принял штаб 29 марта после отставки генерала И. П. Романовского), уже 21 апреля представил Врангелю в Севастополе секретный доклад, подготовка которого была начата еще при предыдущем главкоме. Документ отражал взгляды «того течения в среде военной интеллигенции, которое сложилось уже в начале 1919 г.», озабоченной «политической туманностью заявлений Особого совещания и отсутствием ясно и четко поставленных целей в непредрешенческих декларациях вождей Белого движения». Из примечаний к докладу, сделанных Врангелем, видно, что он разделял его основные положения и, прежде всего, «необходимость политической борьбы с большевизмом и принятия федеративной структуры государства» и реорганизации армии. Главком отмечал, что «доклад генерала Махрова подтвердил мне те сведения, которые сообщил генерал Шатилов», и, очевидно, еще более убедил его в необходимости безотлагательной реорганизации армии.

В своем докладе Махров предлагал план действий после изоляции ВСЮР на Крымском полуострове, направленный на продолжение борьбы с большевиками. Немало места в своем аналитическом отчете, наряду с ключевыми вопросами внутренней и внешней политики, Махров уделил вопросам реорганизации вооруженных сил и дальнейшей вооруженной

борьбы с советской властью. Историк белого Крыма Н. Г. Росс отмечает, что в последующие месяцы «армия была реорганизована в направлении, близком пожеланиям генерала Махрова». Об этом говорят и многочисленные комментарии главкома, оставленные им на полях при работе с докладом.

В документе фактически подводились итоги военного строительства ВСЮР в 1919 г., делались неутешительные выводы о боеспособности ВСЮР, называемых Махровым «Крымской армией». Начальник штаба отмечал, что «в то время как большевики перешли в своей армии к строгому «регулярству» и ведут борьбу на основах военно-научных, наши войска продолжают воевать по-обывательски. Англичане, посетившие в феврале месяце бои на Перекопском фронте, указывают, что управление боем, стрельба и маневрирование сильно хромают».

Для исправления ситуации Махров, прежде всего, обращал внимание на необходимость изменения принципов и методов военного строительства. «Наша Крымская Русская армия, — писал он, — нуждается в коренной реорганизации. Мы должны создать армию регулярную и иметь гражданское мужество сознаться, что в настоящее время на регулярную армию Вооруженные силы Юга России походят очень мало. Нужно признать, что принятый до сих пор план разворачивания Вооруженных сил Юга России путем восстанавливания частей старой Русской армии безнадежно провалился. Результатом этой системы было образование бесчисленных кадров войсковых частей, заводивших самостоятельные хозяйства, громадные обозы, живших большей частью за счет местного населения и совершенно не дававших фронту бойцов. Особенно убедительным доказательством этого положения служат попытки возродить старую Гвардию и русскую регулярную конницу (5-й кавалерийский корпус). Кадры старой Русской армии, в том числе и Гвардии, надлежит использовать на общем основании. Название «Добровольческая армия» как не соответствующее системе пополнения по мобилизации упразднить, а

сосредоточенные в Крыму части назвать «Крымской Русской армией» (просто «Русская» — отмечено главкомом. — Прим. Н. Г. Росса)».

Среди первоочередных мер начальник штаба предлагал провести реорганизацию существующих войсковых соединений: «Части должны быть полнорядными; лучше меньше частей, но с большим боевым составом. Необходимо вести дальнейшую борьбу с существованием массы тыловых частей и учреждений, что совершенно не соответствует числу бойцов. Минимальный аппарат управления и снабжения - все остальное в строй. Поддерживание порядка в тылу должны взять на себя части из категорийных и также учреждения, вооруженные и сорганизованные в строевые части на случай выступления большевиков».

В подготовке армии Махров отмечал ряд преимуществ противника и предлагал меры, направленные на повышение боеспособности армии и ее укомплектование личным составом. «Противник имеет полную возможность постепенно вывести из строя всю нашу армию, причем красные, благодаря обширности занимаемой ими территории, имеют неисчерпаемый источник людского состава, — подчеркивал начальник штаба. — Ввиду этого нам приходится с особой тщательностью изыскивать источники пополнения уже редющих рядов фронта.

Таковых источников четыре.

1) Как изложено выше — сокращение тылов («Да» — отмечено главкомом. — Прим. Н. Г. Росса).

2) Наши лечебные заведения с 20 000 больных и раненых. Необходимо лишь организовать их возвращение в строй по выздоровлении, что в настоящее время не наблюдается. С указанной целью нужно усилить надзор («Да» — отмечено главкомом. — Прим. Н. Г. Росса) за выписывающимися из госпиталей и лазаретов, обязательно передавать всех в команды выздоравливающих, а в последних формировать маршевые роты и непрерывным потоком отправлять выздоровевших по своим частям.

3) Возвращение наших больных и раненых, эвакуированных за границу и уже вполне окрепших для строевой службы, для чего соответственно снести с союзниками («Да» — отмечено главкомом. — Прим. Н. Г. Росса).

4) Мобилизация. В Крыму призваны нормальные сроки службы до 34-летнего возраста включительно. Можно еще призвать восемь сроков от 35 до 43-летнего возраста и два срочных призыва молодых людей в возрасте 19 и 20 лет («Досрочные — «да». Остальные пока нет» — отмечено главкомом. — Прим. Н. Г. Росса).

Мобилизацию допускаю лишь при условии установления взаимных благожелательных отношений между войсками и населением, что зависит всецело от проведения демократических реформ и прекращения грабежей и насилий со стороны войск, а также при наличии снаряжения и оружия. Мобилизацию лучше произвести двумя сроками: в конце апреля четыре старших и один досрочный призывы и лишь по постановке их в строй остальные пять возрастов. Все десять возрастов дадут около 15 000–20 000 человек. Предварительно постановке мобилизованных в строй — необходимо зачисление их в запасные батальоны и надлежащая муштра. Для успешного пополнения войск надлежит принять принцип, что люди — это те же деньги, и каждый человек должен быть на счету».

Для поднятия духа офицерства Махров в числе прочих мер предлагал Врангелю «официально объявить, что в Крымской Русской армии (Вопросительный знак, слово «Крымской» подчеркнуто главкомом. — Прим. Н.Г. Росса) занятие какой-либо должности не зависит от чина, а потому малая должность с высоким чином занимающего ее не только не умаляет достоинства носящего этот чин, но служит признаком верности долгу перед Родиной и, наоборот, возвышает лицо, занимающее данную должность».

Очевидно, что в той непростой ситуации, в которой оказался весной 1920 г. Врангель в Крыму, альтернативы реорганизации ВСЮР попросту не было. И здесь мнения главкома и еще «деникинского» начальника штаба

вполне совпадали. Для сколько-нибудь успешного продолжения борьбы требовалось максимальное использование внутренних, крайне ограниченных ресурсов. «Для того, чтобы защитить» территорию Крыма, — объяснял впоследствии генерал Врангель, — «мне приходилось иметь армию со всеми тыловыми учреждениями, лагерями военнопленных, военно-учебными заведениями, — всего около 300 000 человек. Из них на фронте было тысяч пятьдесят, в военных лагерях около восьмидесяти тысяч и около тридцати тысяч раненых. Для содержания этой массы ресурсы страны были ничтожны». Впрочем, сама по себе постановка проблемы реорганизации ВСЮР еще не означала ее успешное разрешение, и здесь многое зависело от умелого проведения военной реформы и энергии в ее осуществлении. Вполне очевидной была и последующая попытка командования развернуть антибольшевистское движение в соседних регионах — прежде всего — Кубанском и Донском казачьих войсках, на Северном Кавказе и на Украине. Рассчитывать без этого на расширение антибольшевистской борьбы в 1920 г. не приходилось.

Первой мерой, проведенной Врангелем в рамках военной реформы, стала серьезная организационная перестройка армии. Новый главком считал жизненно необходимым не просто «сменить вывеску», а сделать части армии более боеспособными путем их сокращения и создания крупных воинских формирований. «Бесчисленное количество войсковых частей необходимо было свести в более крупные соединения, сократить многочисленные штабы и усилить боеспособным элементом боевой состав полков, дать армии правильную организацию, — отмечал впоследствии Врангель. — Я наметил свести войска первоначально в три корпуса: корпус генерала Кутепова, главным образом бывшие части Добровольческого корпуса — Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии; корпус генерала Слащева, сведя бесконечные части, его составлявшие, в две пехотные дивизии — 13-ю и 34-ю, кадры которых входили в состав корпуса; донские части должны были

составить Донской корпус. Регулярные конные части намечалось свести в шесть полков».

Весной 1920 г. Врангель отдал ряд приказов, согласно которым была проведена организационная перестройка армии. Наиболее важным был приказ № 3012 от 29 апреля, согласно которому многочисленные ячейки добровольческих полков, среди которых существенную часть составляла «возрождавшаяся» кавалерия, сводились в номерные части. В отдельных эскадронах номерных полков разрешалось лишь «сохранение формы обмундирования полков старой Русской армии в отдельных взводах, эскадронах и дивизионах». Все «излишествующие штабы, управления, учреждения и обозы» Врангель приказывал расформировать, а их личный состав «обратить на укомплектование строевых частей». «Боеспособных людей в тылу не должно быть, — указывал главком. — Буду проверять и строго взыскивать с виновных, несмотря ни на какие их заслуги». Немалое число воинских частей было влито в состав наиболее боеспособных Добровольческого (1-го армейского) и Крымского (2-го армейского) корпусов. Стараясь на корню пресечь добровольческие самоформирования, столь распространенные в 1919 г., Врангель категорически запрещал «иметь имущество отдельных ячеек, состоящих из кадров полков старой Русской армии», и объявлял это «преступлением», указывая, что «все имущество должно быть обязательно общеполковым».

В соответствии с приказом № 3050 от 12 мая кадр расформированных воинских подразделений должен был целиком переводиться в части 1-го и 2-го армейских корпусов в качестве отдельных батальонов, рот, взводов, дивизионов и т. д., сохраняя при этом прежние наименования и форму (очевидно, в отдаленной перспективе предусматривалось развертывание частей). Так, части 1-го партизанского генерала Алексева полка вошли в состав 52-го пехотного Виленского имени генерала Алексева полка, 1-й сводный полк Отдельной бригады 12-й пехотной дивизии был расформирован и направлен на пополнение Дроздовской стрелковой дивизии

и т. д. Ранее приказом № 2975 от 19 апреля были ликвидированы части «бредовского» отряда, интернированные в Польше (окончательно отряд был расформирован 3 августа. В целом, в 1920 г. «добровольческая самодеятельность» в формировании новых воинских частей уступила место регулярному строительству. Части формировались, как правило, только в составе действовавшего на фронте более крупного соединения и не отводились для комплектования в тыл (например — Кавказский стрелковый полк в составе 1-го Марковского пехотного полка).

Помимо преобразования частей действующей армии была упорядочена и система запасных формирований. К весне 1920 г. ряд воинских частей имел по несколько запасных батальонов, в то время как некоторые из действующих формирований комплектовались без запасных частей, включая пополнения в свой состав напрямую. На смену существовавшей практике, когда действующие на фронте части произвольно и несвоевременно пополнялись из армейских запасных бригад, пришла система, при которой запасные части оставались только на уровне армии, дивизии и полка. Из армейских запасных батальонов, сведенных в 1-ю армейскую запасную бригаду, пополнения регулярно направлялись на фронт, в состав тех частей, которые несли большие потери. Сохранили собственные запасные части и отдельные полки и дивизии ВСЮР.

Но устранить один из главных недостатков запасных частей — низкое качество подготовки пополнения, в 1920 г. не удалось. На полноценную подготовку новобранцев у запасных частей в Крыму попросту не было времени. Следуя распоряжениям из действующей армии, запасные части направляли пополнения на фронт с интервалом в одну-две недели, что, конечно, не способствовало качественной подготовке мобилизованных и пленных. Некоторые из запасных частей ввиду сложности положения на фронте вынуждены были и сами участвовать в боях, как уже сформированные воинские части.

Врангель постарался пресечь любые попытки «добровольческого» самодеятельного формирования воинских частей, что в 1920 г. при скудных людских ресурсах Крыма грозило бы армии распылением сил и полной потерей боеспособности. При этом «регулярными» частями, ядром ВСЮР в Крыму становятся полки, изначально создававшиеся в 1918–1919 гг. как «добровольческие». Сохранившие к моменту эвакуации в Крым наиболее стойкий кадр, они стали основой вооруженных сил, вокруг которой происходило наращивание численности армии. Большая же часть возрождающихся полков Русской армии весной 1920 г. была, напротив, расформирована. По сути, опыт «возрождения» полков, на которые в 1919 г. командованием была сделана ставка в регулярном строительстве армии, в итоге вылился в то же «добровольчество» и был признан неудачным. Очевидно, что Врангель, не раз говоривший об ошибках предшественника на посту главкома, всячески старался избежать их повторения. Другую точку зрения на реорганизацию армии высказывает исследователь Р. М. Абинякин, по словам которого, приказ № 3012 «бесповоротно сводивший... многочисленные ячейки (особенно регулярной кавалерии) в номерные полки, по существу означал победу «добровольческого» принципа создания новых войсковых единиц». Но в данном случае о победе «добровольческого» принципа строительства вооруженных сил говорить можно лишь с известной долей условности, так как «добровольческими» полки уже давно оставались только на бумаге, по своим названиям. И последовавшее вскоре приказом главкома изменение названий Вооруженных сил Юга России и Добровольческого корпуса лишь фиксировало давно произошедшие в составе армии перемены.

11 мая Врангелем был подписан приказ № 3049 по ВСЮР о наименовании «впредь армии Русской». «Армия перестраивается на новых началах. Основания комплектования армии изменены — части войск комплектуются не добровольцами, а лицами, призванными на военную службу по мобилизации. Новая организационная схема ничего общего со

старой добровольческой не имеет. Необходимо теперь же отказаться и от старых, неприменимых к новым, организационных соединений. Добровольцы и Добровольческий корпус должны иметь наименования - армейские по номерам, а казачьи по соответствующему войску...» Этим же приказом Добровольческий корпус генерала А. П. Кутепова получил название 1-го армейского, а Крымский корпус генерала Я. А. Слащева — 2-го армейского. Характерна оценка, данная этому переименованию в «цветных» частях: спокойно отнеслись добровольцы к «переименованию Врангелем «Вооруженных сил на Юге России» в «Русскую армию» и с грустью приняли новость, что «Добровольческий корпус» отныне «1-й армейский корпус». Добровольчество стало неприемлемым».

Фактически апрельскими приказами главкома определялся приоритет «регулярства» над «добровольчеством» в строительстве вооруженных сил. Впрочем, формальное переименование Вооруженных сил Юга России в Русскую армию состоялось позднее, летом 1920 г., после подписания 4 августа соглашения с казачьими атаманами. Для придания общероссийского статуса и обоснования распространения власти главнокомандующего на казачьи области приказом № 3504 от 19 августа, после начала Кубанской операции, Врангель объявил новое наименование главкома ВСЮР, ставшего «главнокомандующим Русской армией», а состоявшее при нем правительство — «Правительством Юга России».

Переименование имело и серьезное идеологическое значение: «Название «Добровольческая» переносилось с Добровольческой армии и на политику ее руководителей. Оно перестало быть достоянием определенных воинских частей, оно стало нарицательным для всего возглавляемого генералом Деникиным движения. «Добровольческая политика», «добровольческая печать», «добровольческие власти» стали ходячими формулами. Славное в прошлом, связанное с первыми шагами героической борьбы генералов Алексеева и Корнилова, «добровольчество», название столь дорогое для всех участников этой борьбы, потеряло со временем свое прежнее обаяние. Из

двух сражавшихся в России армий, конечно, право называться Русской принадлежало той, в рядах которой сражались все те, кто среди развала и смуты остался верным родному национальному знамени, кто отдал все за счастье и честь Родины. Не могла же почитаться Русской та армия, вожди которой заменили трехцветное русское знамя красным и слово Россия - словом Интернационал». Позднее, в приказе № 3580 от 8 сентября главком в очередной раз подчеркивал преемственность новой армии со старой Русской: «Величие Российского государства покоилось на могучих армии и флоте. В переживаемое нами лихолетье небольшие числом, но крепкие духом возрождающиеся Русская армия и флот грудью своей отстаивают от красного интернационала последний клочок необъятной когда-то нашей Родины. Верю, что настанет время, и Русская армия, сильная духом своих офицеров и солдат, возрастая, как снежный ком, покатится по родной земле, освобождая ее от изуверов, не знающих Бога и Отечества. Будущая Россия будет создана армией и флотом, одухотворенными одной мыслью: «Родина — это все». Вдохнуть в армию эту мысль могут, прежде всего, офицеры — душа армии».

За апрель–май Врангель отдал приказы о расформировании более 500 военных и гражданских учреждений. Тем не менее, энергичные меры по борьбе с «добровольчеством», предпринимаемые главкомом, не всегда были успешными. «Традиции» «возрождения частей Императорской армии» были достаточно живучи и, несмотря на строгие запреты со стороны командования, попытки самостоятельных формирований продолжались. Так, приказом № 3369 от 10 августа Врангель отмечал, что, несмотря на требования расформировать все лишние части и формирования, «обратив личный состав на укомплектование боевых частей. Гвардейский кавалерийский полк, имея на фронте 81 офицера, 1214 солдат, продолжает в тылу при запасном эскадроне и различных командах держать 79 офицеров и 1047 солдат, из которых более 60% могли бы усилить боевой состав полка на фронте». Раздувание штатов частей в тылу, в условиях острой нехватки личного состава на фронте считалось Врангелем недопустимым. Еще в

распоряжении от 3 мая главком указывал, что «многие из подлежащих расформированию воинских частей и учреждений до сего времени не выполняют приказы и продолжают жить на старые отпущенные деньги. При ограниченном числе бойцов в строю при частях существуют огромные обозы. Приказываю в десятидневный срок сдать сведения обо всех частях и учреждениях на территории Крыма, подлежащих ликвидации».

Вошедшие в состав крупных полков полковые ячейки старых полков Русской армии, несмотря на сложность своего положения, всячески старались сохранить кадр для будущего развертывания своих полков. «На сравнительно небольшом пространстве убранного поля собрались в конном строю кадры почти всех старых кавалерийских полков, — описывал парад Сводного кавалерийского корпуса под командованием генерал-лейтенанта И. Г. Барбовича в июле 1920 г. Л. Н. Шишков. — В Гвардейском дивизионе мелькали фуражки конногвардейцев, кавалергардов, синих и желтых кирасир, дальше ярким пятном выделялся эскадрон изюмских гусар, и по всему фронту обеих дивизий весело пестрели цвета знакомых гусарских, уланских и драгунских полков. Эти кадры хранили в себе залог будущего возрождения старых полков». Большинство полковых ячеек, даже войдя в состав новых полков старались сохранить некоторую автономию. Так, включенные в состав Петроградского эскадрона 7-го кавалерийского полка чины 1-го гусарского Сумского полка «только в строевом отношении подчинялись командиру Петроградского эскадрона. Все назначения во взводе делались его командиром. Все лишние, не полагающиеся по штату офицеры, тоже числились при взводе (а не шли на пополнение нуждающихся в офицерах частей. — Р. Г.). Таким образом, стремление офицеров сохранить ячейку полка осуществилось». Петроградец И. И. Рубцов впоследствии вспоминал, что «сведенные в один полк, петроградцы, новороссийцы и лубенцы только в строевой части подчинялись командиру своего полка, имея свои хозяйственные части».

Оценки проведенной Врангелем военной реформы различны. Наряду с большим количеством позитивных мнений существуют и негативные оценки реорганизации ВСЮР, проведенной в 1920 г. На относительную неудачу реформы указывали и многие современники событий (как правило — не из армейской среды). По свидетельству председателя Таврической губернской земской управы В. А. Оболенского, Врангель «со свойственной ему энергией, настойчивостью и властностью» «произвел большую чистку своих тыловых учреждений, но вскоре обнаружилось, что он делает поистине Сизифову работу. Тыловые офицеры, согнанные с насиженных мест, ехали на фронт, но вскоре получали новое назначение в тыл. Одни тыловые учреждения расформировывались, но взамен их возникали новые. Образовывалось невероятное количество разных комиссий, в которых находили себе приют многочисленные полковники (почему-то этот чин был наиболее распространенным в тыловых учреждениях), старавшиеся возможно дольше тянуть свои дела, чтобы, получая присвоенное содержание легальным путем и целый ряд «безгрешных» доходов — путями нелегальными, подольше отсиживаться в безопасном месте». Начальник военно-судной части штаба Донского корпуса И. М. Калинин считал, что Врангель, «стремясь создать однородную «русскую» армию на старых началах, добился только того, что добровольцы признали его вождем. Но их внутренняя структура в Крыму осталась прежняя. Они совершенно не уважали никого, будь он хоть в распрогенеральском чине. В смысле назначения на командные должности решающую роль играл вовсе не приказ высшего начальства, а «добровольческий стаж», то есть время, проведенное в «цветных» войсках, и санкция той части, где имелась вакансия. Со стороны никто не смел сунуться к ним на командные должности». (Справедливости ради необходимо отметить, что воспоминания, написанные Калининным уже в Советской России, зачастую грешат откровенно предвзятым отношением к добровольцам.)

Военный журналист А. А. Валентинов, служивший в 1920 г. в отделении связи полевого штаба главкома ВСЮР, в своих воспоминаниях отмечает, что в Крыму Врангелем «была провозглашена беспощадная борьба с канцелярщиной и рутинной. Началась стремительная замена одних лиц и учреждений другими. Фактически, впрочем, дело свелось лишь к калейдоскопической перемене фамилий и вывесок, а зачастую даже только последних». Но даже при такой негативной оценке реорганизации системы управления в Крыму Валентинов отмечает, что «значительно благополучнее обстояло к началу наступления (май 1920 г. — Р. Г.) дело с реорганизацией и перевоспитанием (до известной степени) самой армии. Здесь в течение крайне незначительного промежутка времени была закончена с огромной энергией и настойчивостью бесконечно трудная работа по приведению армии в боеспособное состояние. Разрозненные, потерявшие после Новороссийска и «сердце», и веру толпы солдат, казаков, а нередко и офицеров, были вновь сведены в определенные войсковые соединения, спаянные между собой и общей дисциплиной, и доверием к командному составу. Разгул, хулиганства и бесчинства, наблюдавшиеся в первые дни по прибытии армии в Крым, были пресечены. И были пресечены, несомненно, тем подъемом, который сумел создать своими выступлениями и приказами генерал Врангель, а также теми элементарными мероприятиями по оздоровлению армии, которые стали проводиться решительно в жизнь. Справедливость требует отметить, что стихийная разнузданность, царившая в тылу в начале весны, к концу ее была сведена почти на нет».

Помимо реорганизации армии Врангель попытался наладить и подготовку будущих кадров для армии, организовав для этих целей Крымский кадетский корпус. Работу по сбору и направлению кадет в корпус возглавлял начальник Управления военно-учебных заведений в Крыму генерал-майор И. Я. Враский. В июне Врангель отдал приказ № 2258, согласно которому учащаяся молодежь отчислялась из воинских частей в учебные заведения (22 июня соответствующие приказы № 4987 и 4988 были

отданы по флоту). Несмотря на приказ главкома, кадеты старших классов стали приезжать в корпус только в августе 1920 г.: «В сводный корпус стали прибывать кадеты всевозможных корпусов, да и вообще учащаяся молодежь, оказавшаяся в рядах белой армии. Многие из них были на фронте более года. Каких только погон здесь не было!». Несколько позднее, аналогичные приказы были изданы атаманами Донского, Кубанского и Терского казачьих войск. Отчисленные из Донского корпуса несовершеннолетние направлялись в Евпаторию во 2-й Донской кадетский корпус.

В целом меры, проведенные Врангелем в Крыму, значительно повысили боеспособность ВСЮР. «В короткий срок Врангель сумел поднять настроение в частях, только что переживших тяжкий и продолжительный отход, и трагическую Новороссийскую эвакуацию», — указывал впоследствии начальник штаба главкома П. Н. Шатилов. В результате произведенных в 1920 г. преобразований Русская армия была перестроена и имела четкую организационную структуру. В ее составе было две армии, три армейских корпуса, каждый из которых включал в себя пехотные и кавалерийские части, а также артиллерию. Кадр регулярной кавалерии был сведен в отдельный кавалерийский корпус. Уже в мае 1920 г. сравнительно небольшая по численности армия была готова к боевым действиям, а «последствия тяжелого отступления от Курска к Черному морю были преодолены и психологически, и организационно. Чувствовалась убежденность в правоте и успехе своего дела и вера в главнокомандующего. Это были не толпы беженцев в форме, как рассказывали про Новороссийск, а боевой и патриотический отбор». «Армия снова воспаряла духом, явилась вера в победу, — вспоминал штаб-ротмистр эскадрона Лейб-гвардии Драгунского полка Д. Л. де Витт. — Армия возрождается в перерожденном виде - утрачивая прежний дух добровольчества и партизанщины, неотъемлемых спутников ее несчастий. Полки принимают вид прежних регулярных частей». По свидетельству алексеевца Б. А. Павлова (Пылина), «новая власть по-серьезному взялась за восстановление пошатнувшейся

воинской этики и морали. Как ни странно, для этого процесса не потребовалось много времени и больших усилий. Приехавшие с Кубани полки были сравнительно малочисленны, но в этой малочисленности, как это ни парадоксально звучит, была до некоторой степени их сила. Во время долгого отступления произошел естественный отсев - все слабое и сомневающееся отстало и расплылось, осталось более сильное и верное. Поэтому неудивительно, что боеспособность армии и дисциплина были восстановлены в невероятно короткий срок».

Высоко оценивал проведенную Врангелем реорганизацию Русской армии и его непосредственный противник, командовавший осенью 1920 г. Южным фронтом Красной армии, М. В. Фрунзе. «Сделавшись главнокомандующим белой армии и главой правительства, барон Врангель, начиная с апреля, развертывает в Крыму колоссальнейшую работу, — писал Фрунзе в ноябре 1921 г., спустя год после взятия РККА Крыма. — В результате. Врангелю удается превратить разложившиеся, деморализованные, утратившие боеспособность банды в крепко сколоченные, хорошо снабженные и руководимые опытным комсоставом войсковые части. К началу июня 1920 г. эта реформаторская деятельность заканчивается, и в распоряжении Врангеля оказывается внушительная боевая сила, приблизительно в 30 000 чистых штыков и сабель. С этой армией в начале июня он и переходит от обороны к наступлению. Во всех операциях полугодичной борьбы Врангель как командующий в большинстве случаев проявил и выдающуюся энергию, и понимание обстановки. Что касается подчиненных ему войск, то и о них приходится дать безусловно положительный отзыв». «Ядром для образования армии Врангеля послужили наиболее крепкие, уцелевшие кадры бывшей Добровольческой армии Деникина, в большинстве своем состоявшие из наиболее реакционных офицеров, прошедших через школу империалистической и Гражданской войны, и из остатков наиболее стойких частей донцов и кубанцев, сплотившихся вокруг своих станичников-офицеров, — характеризовал

Русскую армию в Крыму красный военный специалист, бывший генерал-майор В. А. Ольдерогге, командовавший в 1919 г. красным Восточным фронтом. — Лучшими и наиболее стойкими частями пехоты в качественном отношении являлись части 1-го корпуса, входившего в состав 1-й армии генерала Кутепова и состоявшего из Дроздовской, Марковской и Корниловской дивизий, стяжавших себе прочную репутацию и известность еще со времени Добровольческой армии Деникина. Полки этих дивизий, немногочисленные по боевому составу (от 100 до 1000 штыков в каждом), но с сильным кадровым офицерским составом, отличались стойкостью, дисциплинированностью и большой подвижностью и были ударными частями во всех крупных операциях; остальная пехота - хотя и более низкого качества, но благодаря опытному и многочисленному командному составу - была в твердых руках и мало отличалась от частей старой «царской» армии. Все эти особенности и свойства армии Врангеля делали ее чрезвычайно подвижной, легко управляемой и гибкой, что давало ему возможность путем постоянных перегруппировок и быстрого сосредоточения войск устанавливать соотношение сил, обеспечивавшее правильный ход каждой операции, а на поле сражения маневром достигать крупных успехов».

«Врангель впервые применил широкое использование техники в совместной работе с конницей, — оценивал в 1922 г. проведенные им преобразования главнокомандующий вооруженными силами РСФСР бывший полковник Генерального штаба С. С. Каменев. — Это использование техники в столкновении конных масс послужило основанием наименовать конницу противника «бронированной конницей». Действительно, генерал Врангель сделал опыт забронировать свою конницу автомашинами, вооруженными пулеметами и авиацией. Нам суждено было испытать силу указанной бронировки и сделать ей надлежащую оценку». Начальник Политического управления Красной армии и член Революционного военного совета республики С. И. Гусев впоследствии вовсе писал о том, что «Врангелю удалось сказать новое слово в военном деле» и создать новый вид

тактического соединения, применявшегося им в Крыму — «бронированную конницу». «Именно на своей «бронированной» кавалерии Врангель основал свой стратегический план, — писал он. — Врангель действовал наверняка: в его распоряжении имелась лучшая в мире конница из прирожденных кавалеристов-казаков, великолепно обмундированная, вооруженная, находившаяся под командой опытейших генералов-кавалеристов, снабженная огромным количеством бронеотрядов и многочисленными грузовиками с поставленными на них пулеметами, а также эскадрильями аэропланов новейших конструкций. По силе удара, по маневренной гибкости это было самое идеальное войско, какого мир еще не видал».

Успех в реорганизации ВСЮР был достигнут благодаря нескольким факторам. Во-первых, командованием были сделаны правильные выводы из политики военного строительства 1919 г., в ходе которой было допущено немало ошибок. Оказавшись на территории Крымского полуострова, ограниченного людскими и материальными ресурсами, главком должен был либо вовсе отказаться от продолжения борьбы, либо энергично провести меры по реорганизации и переформированию армии. Во-вторых, как уже упоминалось ранее, в Крым эвакуировалась наиболее стойкая часть ВСЮР. Разочаровавшиеся в белой борьбе, колебавшиеся в выборе стороны в гражданском противостоянии и «преступный элемент», создавший ВСЮР недобрую славу, в большинстве своем «отсеялись» от армии в ходе отступления осени 1919 — зимы 1920 г. Благодаря этому на ограниченной территории Крыма удалось создать сравнительно небольшую по численности, но в большей степени чем ранее регулярную армию. В-третьих, немалую роль в преобразованиях сыграла та энергия и настойчивость, с которой главком взялся за их осуществление. Несмотря на то, что многие негативные тенденции Врангелю так и не удалось переломить (здесь, безусловно, сказывались и недостаток времени, и отсутствие материальных и людских ресурсов, нехватка квалифицированных специалистов), в целом перестройка вооруженных сил была успешной. Врангель не только «обуздал

офицерскую вольницу, упорядочил тыловой хаос и произвел смену вывески», но и попытался окончательно перейти к военному строительству на регулярной основе.

Главные показатели проведенной в 1920 г. реорганизации вооруженных сил — боеспособность и численность частей ВСЮР — Русской армии на фронте. Врангель сумел «внушить армии, что она жива». Несмотря на ограниченные людские ресурсы Крыма, уклонения населения от мобилизации, большие потери во время боевых действий, на протяжении 1920 г. численность армии держалась примерно на одном уровне и составляла в среднем 25 000–30 000 штыков и сабель, а в отдельных частях она даже возрастала.

По словам самого Врангеля, уже к маю 1920 г. ВСЮР представляли собой серьезную силу: «Численность бойцов на фронте, в запасных и тыловых частях достигла 40 000 человек. Все боеспособное было влито в строй. Материальная часть [была] приведена в порядок. Мы располагали десятью танками, двадцатью аэропланами, правда, весьма несовременными, самого разнообразного типа. Войска успели отдохнуть и оправиться. Во всех частях велись усиленные строевые занятия».

В дальнейшем численность ВСЮР — Русской армии на фронте держалась примерно на одном уровне. Так, к 7 июня боевой состав ВСЮР, по оценке Врангеля, составлял 25 000 штыков и сабель (1/5-1/6 от общей численности вооруженных сил, включая флот). К середине июня, после понесенных во время наступления потерь, общая численность армии на фронте, по данным Врангеля, составляла 21 500 человек (15 000 штыков и 6500 пашек). Почти аналогичные сведения о численности ВСЮР к этому времени (22 000 штыков и 2000 сабель) приводит Н. Е. Какурин. В августе, по сведениям военного журналиста А. А. Валентинова, численность Русской армии достигала 33 800 человек: «Это все, что находится на фронте и считается действительно боеспособным. В это число включены даже ординарческий эскадрон и конвой главнокомандующего. Все остальное —

тылы». По данным разведки РККА, в начале сентября боевой состав Русской армии составлял 33 000 человек (25 000 штыков и 8000 сабель), при около 200 000 чинов в тыловых штабах, учреждениях и частях. Советский исследователь А. А. Кондаков приводил данные о «боевом составе» ВСЮР к маю 1920 г. в 127 316 штыков и 4560 сабель, при 108 орудиях, 630 пулеметах, 24 бронемашинах, 12 танках, 4 бронепоездах. Очевидно, что эти сведения включают все тыловые структуры войск в Крыму, а также нестроевых солдат и офицеров.

Аналогичные цифры о численности армии к 14 сентября приводит и сам Врангель. Согласно данным разведывательного отделения Южного фронта Красной армии, численность Русской армии к 1 октября составляла 41 000 штыков (из них на фронте находилось только 27 380) и 17 200 сабель. Сразу после эвакуации из Крыма, в ноябре 1920 г., Врангель в беседе с представителями прессы называл общую численность Русской армии в Крыму в 320 000 человек, из которых в строю находилось не более 45 000, и указывал, что «соотношение это нужно считать вполне нормальным, как показала практика германской (Первой мировой. — Р.Г.) войны, когда на одного бойца армии приходилось семь-восемь человек, обслуживающих тыл».

Но для успешных действий один на один против Красной армии такой численности вооруженных сил белому Крыму было явно недостаточно. Собранная фактически на пределе организационных и мобилизационных возможностей Русская армия, численностью в 25 000–30 000 человек, в разы уступала РККА. В разгоревшихся весной-летом боях полки ВСЮР «таяли с быстротой, не находившейся ни в какой пропорции с притоком мобилизованных внутри Крыма и в Северной Таврии. Лучшие офицеры-добровольцы выбывали из строя, а заменить их было нечем». Резервы у Русской армии фактически отсутствовали, хотя в строй был поставлен практически весь боеспособный элемент. По словам участника боев, «все наши части должны были все время сражаться и непременно побеждать. В

случае неудачи их нечем было заменить, и неудача могла обратиться в катастрофу». Впрочем, сложившееся безысходное положение и «чувство обреченности совершенно не уменьшало боеспособность наших частей». Главком Русской армии, оценивая численность войск РККА в октябре 1920 г. на Южном фронте в 55 000–60 000 штыков и 22 000–25 000 сабель (подразумевая только бойцов на фронте) говорил: «Соотношение сил было не в пользу Русской армии не менее как в три, три с половиной раза». По советским данным, численность войск Южного фронта перед решающим наступлением в Северной Таврии в октябре 1920 г. составляла 103 000 штыков и 34 000 сабель, в то время как численность Русской армии, согласно разведанным РККА, составляла на фронте 22 150 штыков и 12 070 сабель. По данным приведенным Н. Е. Какуриным со ссылкой на В. К. Триандафиллова, численность Южного фронта РККА перед началом решающего сражения в Северной Таврии составляла 133 000 штыков и сабель при 500 орудиях, 17 бронепоездах, 31 бронемашин и 29 аэропланах, в то время как численность Русской армии составляла по данным разведки 37 220 штыков и сабель при 213 орудиях, 6 бронепоездах, 18 бронемашин и 8 авиационных отрядах. Как видно, штаб Южного фронта при планировании наступления исходил из превосходства над противником «вчетверо в отношении живой силы и свыше чем в два раза в отношении артиллерии». Столь большого «численного превосходства за всю Гражданскую войну Красная армия не имела ни на одном фронте, ни в одной операции».

Еще меньшей стала численность войск Русской армии на фронте после отхода из Северной Таврии в Крым, за линию укреплений. По одним данным, приведенным в советской литературе, она составляла 9850 штыков и 7220 сабель (при значительном количестве артиллерии — около 200 орудий), по другим сведениям, (разведывательного отдела штаба Южного фронта РККА), к 10 ноября численность Русской армии на фронте перед штурмом перекопских рубежей составляла 11 750 штыков и 7100 сабель. Согласно разведанным из штаба 6-й армии РККА, приведенным В. К.

Триандофилловым, Сводно-Гвардейский полк, оборонявший Восточный фас на Турецком валу от Сиваша до Перекопского тракта протяженностью 3 км, насчитывал всего 400 штыков (на 1 км приходилось около 130 штыков); 1-й и 4-й Дроздовские стрелковые полки, занимавшие Западный фас от Перекопского тракта до Адаманского залива, протяженностью 8 км, насчитывали всего 1200 штыков (в среднем 125 штыков на 1 км). Даже при наличии участковых и общих резервов, существенном количестве артиллерии плотность обороны Русской армии назвать высокой никак нельзя. Очевидец боев вспоминал, что бои на Перекопе превратились для участников обороны в «один сплошной и очень упорный бой, днем и ночью». При этом у красных «было громадное преимущество в количестве войск. Части сменялись и отходили на отдых, чего у нас не было. У нас дрались беспрерывно все те же части, и утомление доходило до апатии». По подсчетам Триандафиллова в группировке РККА на главном направлении удара на 1 км фронта приходилось 6768 штыков и сабель, 117 пулеметов и 12 орудий; на вспомогательном участке плотность падала до 775 штыков и сабель при семи орудиях на 1 км. Численность войск РККА перед началом наступления на один км, как правило, превосходила общую численность отдельных частей Русской армии, занимавших гораздо более протяженные участки. Как видно, превосходство в силах Красной армии над Русской было подавляющим, сводившим на нет даже превосходство в качестве ряда белых частей над противником.